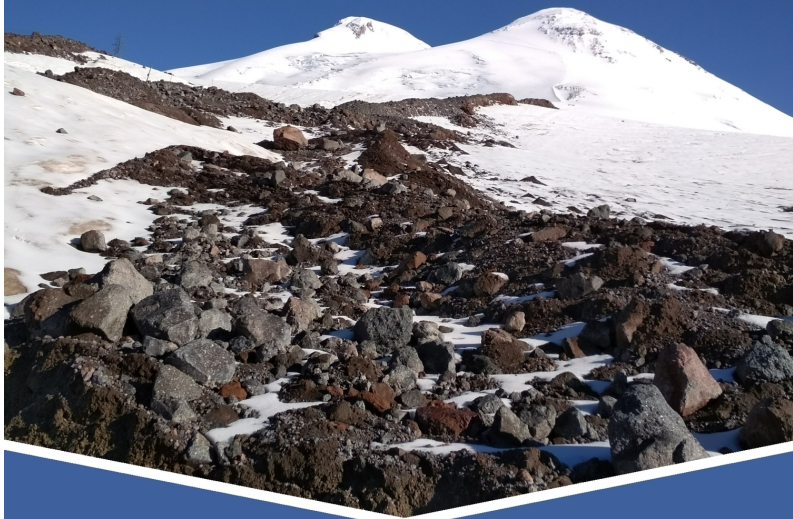

18+

Сочнев Павел

Шаг за шагом

Эльбрус

Павел Николаевич Сочнев

Шаг за шагом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47690123

SelfPub; 2019

Аннотация

Правдивые истории из жизни реального человека (меня). О том, как я реализовывал свои мечты. Захотел – сделал. Не всегда сразу, но обязательно сделал. Всё это очень просто. Не очень безопасно, если делать просто, но всегда захватывающе.

Содержание

Предисловие	5
«На парашюте с неба звездануться...»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

«Горы не стадионы, где я удовлетворяю свои амбиции, они – храмы, где я исповедую мою религию.» Анатолий Букреев.

Текст авторский (мой), в круглых скобках – это как «голос за кадром», тоже мой.

Фото в книге и на обложке, а также оформление обложки – автора (мои).

Предисловие

Нельзя сказать, что горы меня манили и я грезил о них в своих мечтах. Это было красиво, величественно, но для меня – не более того. Есть они и есть.

От непонятно чем мотивированных авантюристов с явными признаками лёгкой ненормальности, которых показывали с экранов, веяло чем-то героическопервопроходческим. Почему авантюристов? Потому что «авантюра» (по словарю Ожегова) это рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех. Причём в этом описании я обращал внимание не на «успех», а на «случайный».

Этим авантюристам просто забраться на невысокую возвышенность недостаточно. Если поблизости не случается высоких возвышенностей, они находят возвышенности с отвесными стенами и как мухи карабкаются вверх. Если есть что-то уходящее в заоблачную высь, то идут, ползут к вершине, добираясь до высот где заканчивается любая естественная жизнь и начинаются вечные ледники. Но на этом не останавливаются и, если вершина еще не покорена (а вот про «покорение» я пофилософствую дальше), то двигаются дальше, туда где кислород заканчивается и начинается «зона смерти» (выше 8000 м). А если на пути к этой вершине есть отвесные стены, то этот маршрут для них как «мёдом намазанный».

Пропадают без вести, падают в пропасти, срываются со скал, гибнут в расщелинах ледников, под лавинами и камнепадами, просто замерзают насмерть, прижавшись к скалам или повиснув на верёвке. Иногда, достигнув заоблачных высот, тихо и спокойно умирают от недостатка кислорода и, как следствие, полного отсутствия сил. Не проверенная мной статистика говорит о том, что большинство погибших альпинистов погибли на спуске. У многих вершин есть статистика смертности в процентах.

Почему с ненормальностями? Потому что «норма» – это средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений. Простой, нормальный человек должен (так уж повелось, что, находясь в любом обществе/социуме мы постоянно «должны») быть максимально близким к этой средней величине. Общество его обеспечивает среднестатистическими событиями и явлениями, на которые он (человек) должен также среднестатистически реагировать. А эти выбиваются из общепринятых норм. Т. е. – ненормальные.

А что ненормального то. Да всё! Сознательно, за свои деньги и прочие ресурсы закупают снаряжение, берут отпуска, покупают разрешения (иногда ошеломительно дорогие) и радостно мчатся навстречу тяготам и лишениям, рискуя здоровьем и жизнью. Знаний о наличии опасностей у них предостаточно, статистикой несчастных случаев они владеют. Как писал выше – у каждой вершины есть своя статисти-

ка смертности. Если гибнет товарищ, скорбят о нём и, всё равно двигаются дальше. Знают и всё равно сознательно идут на тяготы, лишения и риски. А если повезло (случайно) и не случилось пошатнуть здоровье или распрощаться с жизнью, то возвращаются усталые, обожжённые солнцем, обмороженные, исцарапанные и избитые льдом и камнями, «зализывают раны» и, ещё не восстановившись после приключения, мечтают и планируют следующее. Зная, что в случае удачи (когда дойдут и вернутся) это будет очередной случайный, счастливый случай. Просто повезёт. А следующее приключение обычно ещё более рискованное.

Некоторые (их немного) это делают в коммерческих целях или ради своей собственной известности. Но большинство остаются неизвестными не только всем или широкому кругу посвящённых, но даже очень узкому кругу. Зачем это им?

В общем, не манили ни горы, ни возможность испытать тяготы и лишения. Прославиться таким способом тоже не хотелось, а для коммерческих целей не было спонсора, да и вероятная сумма, которую могли дать вероятные спонсоры, не мотивировала. А сумму, за которую бы мне захотелось рискнуть своей собственной жизнью, я до сих пор не придумал. Ни в рублях, ни в евро, ни в долларах (американских).

Вот так и жил, почти абсолютно несклонный к авантюрам, пока не случилась встреча с родственницей. Случайная встреча – она была проездом, мы приехали на вокзал пообщаться. Поговорили, попили кофе, обменялись новостями,

пригласили (так обычно делается при встречах, даже если не собираешься ехать или принимать гостей) друг друга в гости. Мы приглашаем искренне и после этой встречи несколько раз принимали гостей. Она тоже, приглашала искренне и мы побывали пару раз. Один раз мы, один раз я.

И всё бы так и продолжало течь (это я про свою жизнь), но мотивируя наш приезд, она обронила фразу «У нас из окна Эльбрус видно. На него даже можно подняться в составе экскурсии».

Семя упало на почву, на которой уже очень долго лежали семена про прыжок с парашютом и попробовать походить на яхте. С парашютом просто «...с неба звездануться...», а с яхтой сложнее – попробовать, научиться и уйти в кругосветку. Яхтинг – не очень обычное желание для человека, который больше сорока лет своей жизни «любил море с берега». Хотя что можно ожидать от того, кто так и не научился плавать, но очень любит нырять? Да чего угодно! Почва оказалась благодатной. Не сразу, не быстро, но семена дали всходы. Хотя, может быть, дело не в почве, а в семенах. В общем, у меня были мои мечты, и они ждали своего часа. Каждая своего, а все вместе— своих часов (во мн. числе). В конце концов дождались. Не сразу, но все, которые перечислил.

Решение о восхождении было принято не сразу, но было принято и реализовано. Порядок сбывания (реализации) мечт (тоже мн. число) мной не ранжировался. Сбыл (реализовал) их в случайном, естественном порядке. Далее поста-

раюсь написать, про то, как это было, пытаюсь соблюсти хронологию. Про горы – две части, и они самые большие и основные, а две первые, про прыжок и яхтинг, можно считать прелюдией. Итак, часть первая – про прыжок.

«На парашюте с неба звездануться...»

Принять решение и реализовать его в жизни сложно. Это почти невозможно, если решение не связано с классическим, в рамках одобренной обществом системы ценностей, улучшением. Что есть «улучшение» с точек зрения общества? Это – карьерный рост, увеличение постоянного дохода без отказа от разовых получений, более высокий уровень комфорта, получение других любых материальных благ (чтоб все обзавидовались), одобренных социумом, пропагандируемых и поддерживаемых большинством. Если такого улучшения нет, тогда нет внятных, чётких обоснований ни для ближнего окружения, ни для себя, ни для «официальной версии». А когда таких объяснений нет, то у самого себя встаёт вопрос «Зачем?». Побыв какое-то время без ответа/объяснения он (вопрос) рождает мысль – «нафиг эту блажь». И вот так понемногу всё ненужное, необъяснимое, безответное, неутилитарное отпадает и обрисовывается нормальный гражданин.

Средний такой, хорошо управляемый и так же хорошо предсказуемый. В горы ходит только если ему сказали «надо», сказали на какую, когда, с кем и по какому маршруту. На работе «гонит план», участвует в тимбилдингах, коллектив-

ных застольях, самодеятельности и соревнованиях. Радостно и почти абсолютно добровольно ходит строем, в строю таких же нормальных граждан. Горячо и искреннее поддерживает «официальную линию». Если возмущается или протестует, то в разрешённых рамках, санкционированными способами, в специально указанных местах, в назначенное время, речами, текст которых согласован и утверждён заранее.

Мне повезло. Почему-то не дошёл до этой стадии. Меня «миновала чаша сия» и я до сих пор не могу оценить – хорошо это или плохо. В общем, нормальным, средним и обычным я, вероятно, не стал.

Ещё задолго до Эльбруса и яхтинга мне вдруг нечаянно захотелось прыгнуть с парашютом. Не нечаянно прыгнуть, а нечаянно захотелось. Стал мечтать, но всё не решался. То снега было мало на случай «А вдруг парашют не раскроется». Наслушался легенд, про то, что если глубокий снег, то больше шансов выжить. Ага, пятиметровый (на более глубокий не хватило фантазии) слежавшийся сугроб смягчит падение с высоты один километр! Конечно смягчит! И я буду не лепёшкой, а слегка помятым. Впрочем, покойнику, вероятно, пофиг его послежизненное состояние... То самолёты не летали, то работа, то ещё что-то очень важное, срочное, но, как я понимаю сегодня, нафиг не нужное не только мне, но и тем, кому это ненужное нужно. Вот так вот вяло хотел, параллельно генерируя яркие и подробные страхи и причины (отмазки). Зачем хотел?! Почему однажды не обосновал

и не «отмазался» раз и навсегда?

А тут в 2016 году жена подарила набор «Впечатления на выбор». Спасибо ей за то, что сдвинула со стадии «как ни будь потом». Впечатлений было много других, кроме прыжка. Можно было выбрать только одно. Вероятно, там были (однозначно были) более яркие и менее рискованные. Я выбрал «на парашюте с неба звездануться...».

Не манило ни чувство свободного полёта, ни захватывающее висение на стропах, ни риск... Манил страх. Страх

прыжка со всеми вероятными последствиями и, ещё более, страх шагнуть в пустоту. Очень хотелось шагнуть, точнее попробовать шагнуть в никуда. Хотелось так же сильно, как и боялось.

Ярко представил, забоялся ещё больше и, как только сошёл снег, поехали на аэродром. На этом аэродроме когда-то прыгал с парашютом Гагарин. Как выяснил в последствии, он прыгал на всех полевых подмосковных аэродромах. Информацию не проверял. Возможно так и есть, а может быть немного приукрашено. Если небо то же, и Земля та же, то не всё ли равно с какой точки Земли поднялся и в какую приземлился? Всё зависит от выбранного масштаба. Это в макромасштабах он прыгал с нашего общего неба на нашу общую Землю.

А если рассматривать в микромасштабах, то информация о местах приземления Юрия Алексеевича не утеряна, а вообще не была сохранена. А если знать бы и сохранить при его жизни или после придумать? Классно, наверное, было бы водить туристические группы по полю, на котором там и тут были бы установлены бетонные, гранитные или даже бронзовые пятаки с информацией о дате и времени прыжка. А экскурсовод с воодушевлением бы рассказывал о погоде в тот знаменательный день, меню лётной столовой, типе самолёта, его годе выпуска, экипаже, инструкторе, укладчике парашюта, настроении Гагарина и т. д. Ещё можно было бы перечислять «великих мира сего» и известных личностей

которые здесь уже побывали до прыжка, во время прыжка и после. Можно было бы добавить (без указания ФИО и адреса) посетителей, которые чудесным образом исцелились, прикоснувшись «вот прямо к этому вот уголку. Видите, как уже затёрто?»

А в конце экскурсии предлагал бы купить кусочек парашютного шёлка с «того самого» парашюта. Ндаа... «...и тут Остапа понесло...». Но, чем безумней идея, тем более она жизнеспособна. Если попытаетесь реализовать сие безумство – не забудьте упомянуть автора идеи. Ладно, идеи хорошо, а процесс реализации мечты, тем временем двигался к своему, в тот момент неизвестному, но логическому завершению.

Инструктаж и обучение продолжалось часов пять или шесть. Торопится нам было некуда – дул сильный ветер, настолько сильный, что даже спортсмены парашютисты иногда ожидали, когда он стихнет. Нас новичков в такой ветер выпускать было опасно. Хотя я уже был в той степени готовности, когда пофиг.

Мы научились прыгать с невысокой «тумбочки» с плотно сжатыми ногами. Когда прыгали с этой вот тумбочки, высота которой была чуть больше метра, инструктор, понаблюдав за нашими упражнениями, переставил меня на среднюю ступеньку высотой около полуметра. Видимо обратил внимание на то, что при каждом моём прыжке на аэродроме появляется лишний, неучтённый песок и решил, что он сыпется из меня. 50 мне тогда ещё не было, но оно (пятидесятилетие) вот, вот должно было случиться. Хорошо, что обошлось этим, а не отлучением от прыжка или пристёгиванием к инструктору. Научились (посмотрели/попробовали) всему, чему можно было научиться на земле. Наслушались душераздирающих историй про открытые переломы, нераскрывшиеся парашюты, про запутанные стропы и про запутавшихся в них, ныне покойных, парашютистах. К вечеру фантазия инструктора почти иссякла, наши силы были в том же состоянии. Желание реализовать мечту остановилось между «Всё-таки прыгнуть, сколько можно откладывая» и «А может быть не судьба? Похерить и забыть».

Буквально почти перед самыми сумерками, небо расчистилось, ветер стих и у нас появился шанс. Да не один, целых два – прыгнуть или не прыгнуть из-за того, что страхового агент, не ожидая хорошей погоды не приехал. Вполне разумная причина не прыгать – нет страховки. Это не из-за страха, это очень правильно, обосновано и логично. Отложить на

потом. А потом можно и не приехать...

Но как-то, не прекращая разумно и логично обосновывать сам себе ненужность прыжка, его рискованность несопоставимую с планируемым получением... Вот здесь мысль спотыкалась. Что я собирался получить? Впечатление? Оно может быть сильным или очень сильным, если впечатаюсь в землю. Ощущение? Какое?! В общем, все мысли были светлыми и логичными. Действия – прямо противоположные мыслям. Я не переставал двигаться. Одел парашют, всё застегнул, подтянул, проверил, попрыгал, заполнил и подписал бумагу о том, что сам, знаю, понимаю, если что, то не буду + добровольно, «будучи в здравом уме и светлой памяти...» отказываюсь от страховки. В общем бесстрашно (без страховки).

Вышли, построились, протопали в самолёт. Пока топали, один из нашей команды (профессиональный военный, чуть старше меня, точно служивший и, возможно, ещё служащий в каких-то суперспец войсках) спросил про очки (я «очкарик»), не боюсь ли что они слетят во время прыжка. Нет, не боюсь, потому что в машине есть запасные. Про то, что страха потерять очки я не ощущал совсем, по причине наличия других страхов, я говорить ему не стал. Мой совет был воспринят – в этот раз прыгали в очках (простых, оптических, без верёвочек и резиночек) двое – я единственный раз в жизни и Владимир, первый раз в свой сколько-то там со-тый прыжок. Кстати, потом он всегда прыгал в очках, судя

по фото и видео в соцсетях. Ладно, возвращаюсь к теме.

Расселись. Взлетели. Чем выше поднимался самолёт, тем тоньше становились у него стенки. Я точно помню, когда он стоял на земле был такой крепкий, надёжный. А начиная метров с трёхсот стенки ощутимо стали превращаться в тонкий дюраль. А ещё открытая дверь, в которую было видно удаляющуюся от нас землю, буквально тянула. Как когда-то написал Ницше «Если долго смотреть в бездну, бездна начнёт смотреть в тебя». Конечно, 900 метров ещё не бездна, но далёкая, уже немного начинающая закругляться Земля, начала внимательно вглядываться в меня, через открытую дверь. Даже не на меня, а куда-то в самую мою глубь, туда где, сжавшись в трясущийся комочек, ютилось чувство самосохранения и где-то рядом с ним лихорадочно заявляла о своём существовании мысль про отказ от прыжка.

Перворазников, а может быть и всех остальных, выкидывают соответственно весу – кто тяжелей, тот и первый. Кстати, если откинуть условности, то у меня уже было три попытки самостоятельных прыжков. Все эти разы я прыгал года в четыре (младшая группа детского сада, которая сразу после яслей).

Увидев в кино (телевизора тогда не было не только у нас, но, вероятно, ни у кого в посёлке) как парашютисты, привязанные веревками (стабилизационные парашюты) с разбега бросаются в открытую дверь, я тут же решил повторить это в домашних условиях.

Во дворе, рядом с забором стоял бабушкин сундук. Не скажу, что я такой уж древний, но в те времена (конец 60х или начало 70х) это не было диковинкой. Сундук был высотой с меня. Мне, вероятно, пяти лет ещё не было. По косвенным событиям – около четырёх, но не помню с какой стороны, до четырёх или немного после. Тщательно подготовившись – взял крепкую не короткую верёвку, одел зимнюю шапку с ушами (совсем как шлём), я с помощью подручных средств (деревянный ящик из-под бутылок) забрался на сундук. Обвязав грудь верёвкой (хорошо, что не за шею, опять счастливый случай), второй конец верёвки привязал к забору. Мужественно посмотрел за забор, туда где до горизонта простирался Татарский залив. Это очень важно – мужественно посмотреть, как будто, на всякий случай проститься перед подвигом, потому что первый раз прыгать очень волнительно. Даже понарошку. У детей так бывает – играют понарошку, а переживают по взаправдешному. Разбежался и прыгнул с сундука.

Верёвка оказалась настолько короткая (или длинная?), что я повис у стенки сундука, немного не долетев до земли. Удар верёвки в грудь был сильный. Последующее висение в полузадушенном состоянии, в ожидании репрессий со стороны родителей, которые ещё были на работе, но скоро должны были прийти, удовольствия не приносило. Нет, мне не запрещали прыгать с сундука, обвязавшись верёвкой. Какой взрослый человек может придумать, что до этого можно

додуматься? Но я понимал, что если меня увидят вот так вот висящим на заборе, то гордится героическим парашютистом не будут. Вероятнее всего обрадуются, что выжил, удивятся тому «Как пришло в голову?!» и накажут «Чтобы впредь неповадно было!».

В общем мотив к самоспасению у меня был. Как-то повернувшись к сундуку, я на него забрался (можно отнести к начальному опыту скалолазания). Вылез из петли, сполз с сундука и куда-то спрятался «зализывать раны». Про то, какой сын герой, родители в этот раз не узнали. Повезло всем.

Отец, увидев верёвку, привязанную к забору (с себя я петлю снял, а с забора – нет), спросил про «что?» и «зачем?». Я рассказал, что видел в кино, как парашютисты, привязанные верёвками, выпрыгивают из самолёта. О том, что хотел бы попробовать, я говорить не стал, тем более, я не стал говорить, что уже попробовал. Нет, это не мудрость, это чувство самосохранения. Оно у меня иногда есть, но не всегда и не везде. В этот момент оно было.

Выслушав короткую, но очень яркую лекцию о том, как это опасно, как я дорог и про то, что лучше о своих планах рассказывать родителям, я понял, что рассказывать даже о счастливо закончившихся экспериментах и опытах не стоит, дабы не быть ограниченным в свободе проведения других ещё не придуманных опытов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.